

Ксения Александровна КУКСО / Kseniya A. KUKSO

| Эпидемия и действие (на материале новоевропейских эпидемий чумы) / Epidemic and Action (on the Material of Plague Epidemics of Early Modern Europe) |**Ксения Александровна КУКСО / Kseniya A. KUKSO***Санкт-Петербургский Государственный Университет промышленных технологий и дизайна, Санкт-Петербург, Россия**Доцент кафедры рекламы и связей с общественностью**Социологический институт РАН – филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра**Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия**Ассоциированный сотрудник**Кандидат философских наук**Saint-Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, Saint-Petersburg, Russia**Associate Professor**The Sociological Institute of the RAS – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology**of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia**Research Fellow**PhD in Philosophy**korsbai@mail.ru***ЭПИДЕМИЯ И ДЕЙСТВИЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ НОВОЕВРОПЕЙСКИХ ЭПИДЕМИЙ ЧУМЫ)***

В статье анализируются экзистенциальные следствия характерного для тяжелейших масштабных эпидемий воздействия – обозначения ими границ знания о живом, ценностного безразличия и разрушения парадигм повседневности. На материалах Великой лондонской чумы исследуются коллективные реакции на обнаруживаемую в эпидемической ситуации бесструктурность жизни, которую автор расценивает как радикализирующее измерение эпидемического опыта, и раскрываются экзистенциальные основы наиболее специфичных из них (безумия, повышения интереса к различным манифестациям сакрального). Так, автор определяет причины интереса к утверждающимся христианским движениям и различным бытовым субститутам магии, проявленного в Великую лондонскую чуму помимо типичной для тяжелых эпидемий, начиная с эпохи черной смерти, реакции экзистенциального отстранения. Также проясняется, почему характерная для рассматриваемой эпидемии обыденность смерти, устойчивость присутствия в городской среде ее физических проявлений привела к разнородным случаям атрофии способностей субъективности. Кроме этого, раскрывается двойственность воздействий системы противоэпидемических мероприятий и врачебной помощи, учрежденных в данных культурных координатах: их ограниченность в отношении преодоления про-

никнутой болезнью реальности, несмотря на ощутимую практическую пользу.

Обращаясь к историческим свидетельствам новоевропейских эпидемий чумы, автор ставит вопрос о возможностях преодоления наиболее тяжелых эпидемических периодов, где постоянство угрозы жизни дополнено проступанием ее неопределенности. Утверждается, что добровольные действия помощи страдающим, для которых характерны спонтанность и всеобщность, прерывают обусловленную эпидемией замкнутость реальности и несут в себе шанс возобновления свободных от дисциплинарных механизмов взаимодействий. Данный тип действия рассматривается на культурно-историческом материале уникальных практик участия в жизни инфицированных.

Ключевые слова: эпидемия, чума, коллективные реакции, разрушение, бесструктурность, неопределенность, Великая лондонская чума, система противоэпидемических мероприятий, замкнутость мира, сострадание, спонтанность, автономное действие, возобновление социального.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00314 «Социальный порядок в условиях эпидемии: социально-философский анализ»

Ксения Александровна КУКСО / Kseniya A. KUKSO

| Эпидемия и действие (на материале новоевропейских эпидемий чумы) / Epidemic and Action (on the Material of Plague Epidemics of Early Modern Europe) |**EPIDEMIC AND ACTION
(ON THE MATERIAL OF PLAGUE
EPIDEMICS OF EARLY
MODERN EUROPE)**

The existential consequences of characteristic for the most severe large-scale epidemics impact – marking of boundaries of knowledge about living things, value indifference and destruction of the paradigms of everyday life are analyzed in the article. Based on the material of Great Plague of London, collective reactions to the structurelessness of life found in an epidemic situation, which the author regards as the radicalizing dimension of epidemic experience, and the existential foundations of the most specific of them (madness, increased interest in various manifestations of the sacred) are investigated. The author determines the reasons of the interest to the approved Christian movements and the demand for various everyday substitutes of magic shown during the period of Great Plague of London, in addition the reaction of existential removal typical of severe epidemics, starting from the Black Death. It is also clarified why the commonness of death characteristic of the studied epidemic, the stability of the presence of its physical manifestations

Феномен большой эпидемии, его место и действенность в человеческом опыте, определены во многом таким его параметром как неизвестность. Дело здесь, прежде всего, в том, что познавательные процедуры, применяемые к опасному массовому заболеванию, не избавляют данное явление от его сложной, многосоставной фактичности, которая связана и с конкретным местом и местностью, временем и сезоном, составом, численностью и хабитуальным «портретом» коллектива, захваченными эпидемией и приносящими порой фатальную симптоматику заболевания, влияющими на скорость вызываемой им смерти и уровень связанной с ним смертности. Постольку в отношении к эпиде-

in the urban environment led to various cases of atrophy of subjectivity's abilities. Also the duality of the effects of the anti-epidemic measures and the medical care established in these cultural coordinates is determined: their limitations in overcoming the reality penetrated by the disease and the tangible practical benefit. Based on the historical evidence of plague epidemics of early modern Europe the author examines possibilities of overcoming the most difficult epidemic periods, where the persistence of the threat to life is complemented by the emergence of its uncertainty. It is shown that spontaneous and universal voluntary actions of help to the suffering interrupt the closedness of reality caused with the epidemic and carry a chance of resuming of free from disciplinary mechanisms social interactions. The cultural material of the peculiar practices of participation in life of infected embodied this type of action is given.

Key words: epidemic, plague, collective reactions, destruction, structurelessness, uncertainty, Great Plague of London, system of anti-epidemic measures, closedness of the world, compassion, spontaneity, autonomous action, renewal of the social.

158

миям кажется уместным говорить об индивидуальной конституции.

В этом плане тяжелые эпидемии всегда прочерчивают границы. Они экспрессивно обозначают пределы знания о живом, разрушают матрицу основополагающих ценностей и парадигмы повседневности сообщества. И этот одновременно происходящий на эпистемологическом, практическом и этическом уровнях сбой порядка обнаруживает неопределенность жизни, что радикально отяжеляет различные формы коллективного опыта тяжелых заболеваний. Разрушение порядка повседневного существования с характерной для него крайней мерой затруднительности привычных действий и непредсказуемостью их результатов,

Ксения Александровна КУКСО / Kseniya A. KUKSO

| Эпидемия и действие (на материале новоевропейских эпидемий чумы) / Epidemic and Action (on the Material of Plague Epidemics of Early Modern Europe) |

вызываемое массовым распространением смертельных заболеваний с неясной этиологией, крайне усиливает атмосферу предельной чуждости и тягостности времени больших эпидемий.

Эта черта масштабного проявления примет разрушения, экстремальная совокупность неотвратимой угрозы жизни и ослабления социальных институтов, косвенно выражается и в характерном для европейской культуры определении причин эпидемий. Этиологию тяжелейших инфекций, вызывающих эпидемические бедствия, принято было устанавливать посредством апелляции к инобытийной инстанции. В качестве таковой мог присутствовать Бог, негодующий за общеколлективные грехи, смертоносный ангел, ссылки на которых постоянно использовались уже в эпоху Черной смерти. Удобным инструментом обозначения радикальной внешности источника неизвестного массового заболевания является и понятие не фиксируемого ранее вируса, которое свидетельствуют о действенности до конца не проясняемой природы.

В новоевропейской культурной истории именно чума не переставала терять репутацию абсолютной болезни. И роль здесь сыграла не только ее предельно экспрессивная симптоматика, масштабная численность заражения и высокая скорость несомой ей смерти, но и происходящий при ее давлении выход жизни за границы определенности. Так, чума разламывала социальные скрепы жизни и приводила своих современников к специфичным экзистенциальным формам и «выборам» – от неосознаваемых самоубийств до систематической добровольной помощи зараженным. Эта тенденция мотивировала центральный интерес данного исследования – рассмотреть устойчи-

вые поведенческие реакции, проявленные при новоевропейских чумных бедствиях, и способы действия, несущие собой и в этих обстоятельствах возможность порядка.

Одним из больших явлений чумы в Новое время оказалась Великая лондонская эпидемия (1665–1666 гг.). Постепенное погружение города в чуму запечатлено в «Дневнике» Самуэля Пипса, кто, будучи в период эпидемии крупным чиновником Королевского флота, представил в своем дневнике показания очевидца этой катастрофы. «Дневник чумного года» Даниэля Дефо также несет в себе детализированные свидетельства данного бедствия. Несмотря на отчасти фикциональный характер этого текста, за представляемыми в нем образами эпидемии лежит обширный исторический материал, принадлежащий самой эпохе Великой чумы. Так, обломки реальности бедствия, которые могли глубоко проникнуть в память пятилетнего ребенка, каким был Дефо при натиске чумы, были дополнены результатами его скрупулезных штудий, связанных с эпидемией исторических документов. В генеалогии «Дневника» обнаруживаются газетные хроники, приводимые дословно предписания городских властей, медицинские адаптации случившегося («Наука о заразных заболеваниях, или Исторический отчет о лондонской чуме 1665 года» Н. Ходжсона, «Краткий отчет о чуме» Кемпа и «Трактат о заразных заболеваниях» Богхерста), литературные критические отклики на происходящее (памфлет «Несколько серьезных возражений против практикуемого в Англии запирания зараженных домов. В форме обращения несчастных, пораженных чумой, к их здоровым собратьям, пребывающим на свободе» без обозначения авторствования, памфлет «Голгофа, или Зеркало для Лондона» за

Ксения Александровна КУКСО / Kseniya A. KUKSO

| Эпидемия и действие (на материале новоевропейских эпидемий чумы) / Epidemic and Action (on the Material of Plague Epidemics of Early Modern Europe) |

авторством некоего «Дж. В.», брошюра Винсента «Грозный глас Господен в столице»¹.

Пипс и Дефо реконструируют обстановку постепенного захвата жизни города реальностью эпидемии. И сразу становится ясно, что основным поведенческим ответом на известия о близости чумы является экзистенциальная дистанция. Так, Пипс говорит о грусти, испытываемой при сообщениях о действительности болезни и при виде заколоченных зачумленных домов, он также фиксирует потрясение при взгляде на внезапно ослабевшего нанятого им кучера. Но при этом в «Дневнике» постоянно отмечается благодать ситуации, при которой рассказчик находится в окружении свирепствования чумы, но все-таки не будучи ей пораженным («Сегодня с грустью обнаружил в Друри-Лейн два или три дома с красным крестом на дверях и надписью: «Боже, сжался над нами», что явилось для меня зрелищем весьма печальным, ибо прежде я ничего подобного, если мне не изменяет память, не видел. Тут же стал принюхиваться к себе и вынужден был купить табаку, каковой принялся нюхать и жевать, покуда дурное предчувствие не исчезло»²; «Встал – и по воде в Уайтхолл, где все забито подводками: двор собирается покинуть город. Число умерших достигло 267 – что на 90 человек больше, чем на прошлой неделе; в Сити же до сего дня скончалось всего четверо, что для всех нас большое благо»³).

Акценты на различных путях самоизъятия из пространства всепоражающей болезни

¹ См.: Атарова, К. Н. Вымысел или документ? // Дефо Д. Дневник чумного года. – М.: Ладомир, Наука, 1997. – С. 370–371.

² Пипс, С. Домой, ужинать и в постель. Из дневника. – М.: Текст, 2010. – С. 62.

³ Там же. С. 63.

расставляет и Дефо. В его «Дневнике», в первых, отмечается традиционная для начального периода распространения чумы стратегия властей замалчивания ощутимой опасности – Дефо говорит, что о новой эпидемии узнавали из писем купцов и разговоров, в то время как власти оставляли город без широкого осведомления. Очевидно, что данное проявление связано не только с экономическими и политическими причинами, но и с желанием полного избегания эпидемической угрозы. Кроме этого, Дефо дает довольно экспрессивные описания толп, лихорадочно бегущих из захватываемого болезнью города, также им упоминаются и колоссальные столпотворения у двери лорд-мэра, без справки о состоянии здоровья и пропуска от которого невозможно было остановиться в гостинице и миновать попутные города⁴. Он же замечает о палаточных городках, в полях стремящихся избежать тисков чумы⁵ и домах-крепостях, чьи владельцы, голландские купцы, практиковали радикальную изоляцию⁶. Все эти поведенческие ответы, несомненно, демонстрируют волю очевидцев чумы пребывать в полной венаходимости к реальности с заметными следами сокрушающей болезни.

При усугублении ситуации варьировались и поведенческие реакции. Показательно, что, следуя Дефо, росту числа зараженных сопутствовали одновременно и повышенный интерес к утверждающимся христианским движениям, и мода на различные бытовые субституты магии (предсказания, пророчества, непрофессиональное врачевание): «... проповедники пресвитериан, индепендентов и вся-

⁴ Дефо, Д. Дневник чумного года. – М.: Ладомир, Наука, 1997. – С. 18.

⁵ Там же. С. 89.

⁶ Там же. С. 87.

Ксения Александровна КУКСО / Kseniya A. KUKSO

| Эпидемия и действие (на материале новоевропейских эпидемий чумы) / Epidemic and Action (on the Material of Plague Epidemics of Early Modern Europe) |

ких других течений стали организовывать собственные общества и громоздить алтарь на алтаре...»⁷. В повествовании Дефо мы встречаем череду предсказателей, астрологов, магов, чернокнижников, целителей, предлагающих свои услуги цветистым стилем⁸. И, при этом, мы узнаем, что к службам были допущены диссидентские священники⁹, а активное использование услуг целителей приводило к тому, что некоторые «... пичкали себя таким количеством пилюль, микстур и предохраняющих средств, как их называли, что не только швыряли деньги на ветер, но и заблаговременно из страха заразы отравляли себя, ослабляя свой организм...»¹⁰.

Это довольно показательный момент для понимания коллективных реакций на постоянство давления угрозы физической гибели, ведь, проявляемый таким образом спрос на сакральное объясняем не только в содержательном плане, но и формально. Связанные с сакральным практики, конечно, обещали причастность к сфере невозмутимого блага. Но куда важнее, что они восстанавливали принципиальную для экзистенции структуру, разрушаемую при давлении бедствия. Так, ритуальный характер этих практик, выражающийся, прежде всего, в их устойчивости, воспроизводстве и церемониальности, позволял им воплощать возобновляемость бытия-в-мире. В эпидемических обстоятельствах они восстанавливали структурированность жизни, задавали ей более-менее предсказуемый характер, что сверхценно для опыта сознания, его проективности. Иллюстрации этой необходимости

ритуализированных форм действия в ситуации слома всех констант жизни можно найти и в других контекстах, где присутствует рефлексия опыта выживания. Так, П. Леви говорит о необходимости в лагерных условиях скрупулезного соблюдения повседневных ритуалов – умывания, пусть и грязной водой, вытирания курткой вместо полотенца, чистки обуви даже при предельном ослаблении жизненных сил¹¹. Также В. Г. Зебальд в «Естественной истории разрушения» приводит упомянутый Х. Э. Носсаком ритуал размеренного кофепития на гамбургских балконах после бомбардировки¹². И в этом плане ясно назначение фиксируемой Дефо тенденции спроса на сакральное: сферы и инструменты возобновления возможной упорядоченности существования обретают особую значимость для людей, проживающих крах практически всех структур порядка.

При усилении сокрушительности смерти реакции активного экзистенциального дистанцирования от уничтожающей реальности болезни и укрытия от нее в зонах существования гарантированного и регулярного характера дополняют разрушительные поведенческие отклики. Такие явления как утрата точности учета числа смертей¹³, тяжелейшая ольфакторная среда городской жизни, сказывающаяся, вероятно, на смене техник перемещения по городу – предпочтении для ходьбы середины мо-

⁷ Там же. С. 45.⁸ Там же. С. 46–55.⁹ Там же. С. 46.¹⁰ Там же. С. 50.¹¹ См.: Леви, П. Человек ли это? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rulit.me/books/chelovek-li-eto-read-222927-38.html> (дата обращения: 20.09.2020).¹² См.: Зебальд, В. Г. Воздушная война и литература. Цюрихские лекции // Зебальд, В. Г. Естественная история разрушения. – М.: Новое издательство, 2019. – С. 42.¹³ Пипс, С. Домой, ужинать и в постель. Из дневника. – М.: Текст, 2010. – С. 63.

Ксения Александровна КУКСО / Kseniya A. KUKSO

| Эпидемия и действие (на материале новоевропейских эпидемий чумы) / Epidemic and Action (on the Material of Plague Epidemics of Early Modern Europe) |

стовой¹⁴, акустический фон плача и воя¹⁵, спонтанность увеличений вместимости коллективных могил¹⁶, нехватка социальных ресурсов для погребения говорят о рутине смерти, навязчивом присутствии ее физического выражения в повседневности. Собственно, сам Дефо опознает эту обстановку как «очень-очень страшное время, которое словами не описать»¹⁷, в которой «...вся мощь человеческая оказалась поставленной в тупик и совершенно бессильной...»¹⁸. Он показывает, что жизнь, замкнутая физическими видами смерти, оборачивалась порой утратой дара речи, памяти¹⁹, безумием с таким его кошмарным выражением как самопогребение в коллективных могилах²⁰.

Представляется, что за этой жутчайшей атрофией способностей скрывается комплекс причин. Во многом ее предreshает то, что в эпидемиях чумы, с присущим им большим числом жертв, смерть принимает обезличенный характер, при этом с кошмаром выразительности изуверенных болезнью и посмертно изменяющихся тел. В этих условиях материальное буйство смерти зачастую не сглаживается ритуалом – ни принятыми способами погребения, ни совокупностью медико-гигиенических практик. Но, как известно из антропологических исследований, мертвое человеческое тело выступает одним из привилегированных объектов табу, ряд которых сакрализует смерть, тогда как другие маркируют

физические останки в процессе их распада как скверну²¹. Поскольку четкое соблюдение погребальных ритуалов, удержание дистанции и признание инаковости представляют собой устойчивый ответ на гнетущую физическую сторону смерти. Как следствие – при кризисе данных механизмов столкновение с реальностью мертвого тела выступает источником непреодолимой тревоги и различных сбоев в сфере субъективности. Показательные примеры этого воздействия приводятся в исследованиях других явлений массовой гибели. Так, жительница Берлина, пережившая бомбовые атаки города, вспоминает: «С тех пор как после бомбежки я лишилась дома и должна была помогать вытаскивать погребенных под завалами, я нахожусь под страхом смерти. /.../ Симптомы всегда одни и те же. Сначала пот на коже головы, затем сверление в позвоночнике, комок в горле, небо горит, сердце колотится. ... Если бы я только могла молиться. Мозг рыщет в поисках слов. ... Пока волна не отступает»²². Эти реакции позволяют заключить, что, когда разлагающиеся останки становятся устойчивым элементом повседневности, бытие-в-мире предстает абсолютно чуждым, и это его «обнаружение» ставит под вопрос все системы упорядочивания опыта. Эта предельная ситуация способна вызывать упадок и разрушение способностей души, и, вероятно, только в единичных случаях – полную реви-

¹⁴ Дефо, Д. Дневник чумного года. – М.: Ладомир, Наука, 1997. – С. 32.

¹⁵ Там же. С. 31–32.

¹⁶ Там же. С. 92.

¹⁷ Там же. С. 94.

¹⁸ Там же. С. 59.

¹⁹ Там же. С. 89.

²⁰ Там же. С. 95.

²¹ См.: Дуглас, М. Чистота и опасность. Анализ представлений об осквернении и табу. – М.: Канон Пресс-Ц, Кучково поле, 2000. – С. 34. С. 185–186.

²² Anonyma. Eine Frau in Berlin: Tagebuch-Aufzeichnungen vom 20. April bis 22. Juni 1945. Frankfurt a. M. Einborn Verlag, 2003. S. 18–19. Цит. по: Блэк, М. Смерть в Берлине: от Веймарской республики до разделенной Германии. – М.: НЛЮ, 2015. – С. 156.

Ксения Александровна КУКСО / Kseniya A. KUKSO

| Эпидемия и действие (на материале новоевропейских эпидемий чумы) / Epidemic and Action (on the Material of Plague Epidemics of Early Modern Europe) |

зию смысловых оболочек жизни (так Дефо комментирует опыт взгляда на коллективную могилу как самую лучшую проповедь: это «зрелище говорит само за себя /.../ и призывает нас к покаянию»²³).

Показательно в этом плане, как сам Дефо оценивает роль «Дневника». По его тексту рассеяны замечания о стремлении повествовать именно адресно о жутких обстоятельствах чумы, доносить их до вновь столкнувшихся с эпидемическим бедствием: «Я останавливаюсь на этом с такой подробностью потому, что, может статься, те, кто будет жить после меня, столкнутся с подобной бедой и им тоже придется делать выбор...»²⁴; «...мне хотелось бы сделать несколько замечаний, возможно, полезных для читателей, если им выпадет на долю столкнуться с подобным ужасным испытанием»²⁵. При этом регулярно отмечается и невозможность детального свидетельствования о неистовстве болезни: «Если бы только возможно было точно изобразить то время для тех, кто не пережил его, и дать читателю правильное представление об ужасе, обуявшем горожан»²⁶; «... потому что никто в такое время не мог бы поручиться буквально за все подробности»²⁷; «это немного поможет описать ужасы того времени, хотя нет никакой возможности передать все это так, чтобы тот, кто не видел всего собственными глазами, составил бы себе правильное представление...»²⁸. И дело здесь, вероятно, не только в новой волне чумы, которая предредила рождение этого

текста: в 1720 г. в Марселе разразилась эпидемия чумы, которая могла тревожить англичан вследствие развитой Англией морской сети отношений, что и способствовало социальному спросу на сведения об опыте чуме. Но представляется более важным, что, повествуя о ходе чумы, Дефо создает смысловой слой для неопределенного события уничтожающей эпидемии. Сама структура рассказа с ее последовательностью и порядком, привносимым различными способами языковой структурированности, включает неопределенную, разрушительную реальность эпидемии в границы характеристик, сквозной логики, телеологии. Конструируемые таким образом логика и структура эпидемии, сопутствующих ей происшествий и мероприятий имеют этико-практическую значимость. Вносимые рассказом смысловые взаимосвязи порождают иллюзию смягчения проживания эпидемических вспышек для их будущих очевидцев.

Для самих же современников Великой лондонской чумы роль рационализирующей инстанции отчасти выполняла детально разработанная система противоэпидемических мероприятий. На систему отношений, установленную властью в Лондоне при распространении чумы, можно смотреть не только в перспективе ее практической значимости, но и как на способ работы с обнаруживаемой во время больших эпидемий неопределенностью жизни.

Дефо дает описание этой системы, он отчетливо характеризует обязанности должностей, связанных с контролем распространения болезни, и приводит подробную картину санитарно-гигиенических мероприятий, сеть которых плотно покрывает повседневность переживающих эпидемию. Так, была сформирована иерархия должностей, в чьи обязанности

²³ Дефо, Д. Дневник чумного года. – М.: Ладомир, Наука, 1997. – С. 94.

²⁴ Там же. С. 20.

²⁵ Там же. С. 112–113.

²⁶ Там же. С. 31.

²⁷ Там же. С. 82.

²⁸ Там же. С. 93–94.

Ксения Александровна КУКСО / Kseniya A. KUKSO

| Эпидемия и действие (на материале новоевропейских эпидемий чумы) / Epidemic and Action (on the Material of Plague Epidemics of Early Modern Europe) |

входило неусыпное наблюдение за столкнувшимися с риском и действительностью заражения. В приходах назначались наблюдатели, которые должны были отслеживать состояние здоровья их жителей, выяснять вопрос заразности болезней недомогающих и оповещать власти о необходимости карантина домов, пораженных передающимися заболеваниями. Отказ же от исполнения обязанностей карался в случае наблюдателей тюрьмой. Предусматривались и дозорные, которые должны были гарантировать полную изоляцию жильцов зараженных домов. Из женской части приходского населения выбирались так называемые осматривающие, уполномоченные, насколько хватало компетентности, диагностировать заболевание у жильцов отправленных на карантин домов и осматривать тела умерших. Аттестовывали их «клиницистские» навыки врачи. В исследовательской литературе отмечается, что «в отчетах, кроме того, что это должна быть женщина из бедняков, никаких иных требований не предъявлялось. Также нигде не говорилось о необходимых знаниях в области медицины. ... Осмотрщицы лишь исполняли роль свидетеля и просто подтверждали (или опровергали) факт заражения человека чумой»²⁹; «документы прихода Св. Варфоломея свидетельствуют о том, что работа осмотрщиц была постоянной. Практически каждый ежегодный отчет содержит сведения об избрании (переизбрании) женщин на эту должность, а также упоминания о выплате им жалования. Многие осмотрщицы исполняли свои обязанности на протяжении значительного периода

времени»³⁰. В помощь осмотрщицам приставлялись хирурги, назначаемые ради повышения достоверности определения чумы у больных. Повседневность наблюдателей, осмотрщиц и хирургов сурово контролировалась: они могли перемещаться исключительно из собственного дома в место жительства зараженного и при этом быть выразительно маркированы³¹.

Кроме этого, строго регламентировались действия, с которыми связывали потенциал дальнейшего распространения болезни. В этой перестройке жизни центральное место отводилось запираению домов с больными (на месяц, если выяснялся факт заражения кого-либо из жильцов) и с их возможным присутствием (на двадцать восемь дней при переходе горничной из зараженного дома; не менее чем на двадцать дней в случае скупщиков, которые приобрели вещи из мест проживания жертв чумы, если покупка состоялась ранее завершения двухмесячного карантина; на несколько дней при посещении кем-либо зараженного дома). Предписывалось и в течение двух часов сообщать властям о болезни в случае обнаружения симптоматики чумы. Время похорон также строго регламентировалось – им отводились часы после заката и перед рассветом. Запрету подлежала и перепродажа вещей, его нарушение каралось тюремным заключением. Также была легитимирована и активная санация улиц от всех предполагаемых источников распространения болезни – нечистот, зачищников зрелищных мероприятий, нищих, а в пределах Сити – от инициаторов коллективных празднеств и животных³².

²⁹ Соколова, Т. В. Система мер по противодействию эпидемиям чумы в лондонских приходах XVII в. // Ярославский педагогический вестник. – 2014. – № 4. – Том I (Гуманитарные науки). – С. 84.

³⁰ Там же.

³¹ См.: Дефо, Д. Дневник чумного года. – М.: Ладомир, Наука, 1997. – С. 61–65.

³² См.: там же. С. 65–75.

Ксения Александровна КУКСО / Kseniya A. KUKSO

| Эпидемия и действие (на материале новоевропейских эпидемий чумы) / Epidemic and Action (on the Material of Plague Epidemics of Early Modern Europe) |

Но путями этого заключения жизни в ограничивающую ее спонтанность модель, благодаря этой политической, как определяет М. Фуко, стороне чумы проходила и рационализация эпидемии. Посредством контроля, детализированного в инстанциях и процедурах, смертоносная болезнь постепенно вводилась в пространство смысла, поскольку благодаря его отправлениям фиксировались очаги заражения, прояснялись серьезные эпидемиологические факторы.

Вкратце остановимся на двойственном отношении современников к механизмам данной системы. Так, в «Дневнике» Пипса упоминается хорошее расположение к зараженному врачу, который предпочел самоизоляцию и умер в этих условиях: «...дверь дома несчастного доктора Бернетта заколочена. До меня дошел слух, будто он завоевал расположение соседей, ибо сам обнаружил у себя болезнь и заперся по собственной воле, совершив тем самым благородный поступок»³³. У Дефо же звучит высокая оценка практической пользы традиции запираения домов с зараженными: «... право запираеть людей в их же собственных домах было дано парламентским указом, называвшимся “Указ о милосердной помощи и содержании людей, заразившихся чумой”»; на основании этого парламентского указа лорд-мэр и олдермены города Лондона отдали распоряжение (оно вступило в силу 1 июля 1665 года, когда количество зараженных приходов в пределах Сити было еще невелико по последней сводке на 92 прихода было всего четыре зараженных), согласно которому несколько домов в Сити было заперто, а кое-кого из заболевших перевезли в чумной барак за Банхилл-Филдс, неподалеку от Излингтона, и благодаря этим

мерам, когда в городе умирало в целом около тысячи в неделю, в Сити их было только 28 человек, и он оставался самым здоровым районом...»³⁴.

Но одновременно эти противоэпидемические меры вызвали различные проявления аномий: городские власти сталкивались с побегами из зараженных домов, насилием над дозорными, самоубийствами изолированных больных. Так в попытке сведения всей совокупности взаимодействий к санкционированным образцам и установленным каналам оформился новый порядок жизни сообщества, пронизанный реальностью эпидемии. И постольку мир, скованный смертельной болезнью, который создала система противодействий чуме, вызывал выраженные реакции. Здесь кажется определяющим следующий момент. Собственно сам способ проживания при тяжелом заболевании отличает самозамкнутость, невозможность для болеющего «отдачи себя» фактичности жизни. В случаях же изоляции людей в зачумленных домах самозамкнутости могли сопутствовать непредставимые в своей чудовищности условия, поэтому предельно затрудненной становилась и реализация привычных комплексов способностей души. Это прерывание жизни сознания, вероятно, и обуславливало несознательный акт самопричинения смерти.

То же явление, что при большой эпидемии различные виды деятельности лишены автономии, отмоделированы ее реальностью и постольку как бы продолжают ее, просматривается и в ситуации с медицинской помощью во время Великой лондонской чумы. Известно, что членам Лондонского колледжа врачей, институции, присваивающей, прежде всего, пра-

³³ Там же. С. 23.

³⁴ Там же. С. 61.

Ксения Александровна КУКСО / Kseniya A. KUKSO

| Эпидемия и действие (на материале новоевропейских эпидемий чумы) / Epidemic and Action (on the Material of Plague Epidemics of Early Modern Europe) |

во на врачебную практику, разрешено было покидать город в эпидемический период. В их обязанности входило завершение лечения тех больных, с которыми была установлена договоренность о врачевании до распространения чумы, и разработка рекомендаций неимущим по самостоятельной помощи во время эпидемии. Данный подход обратился бегством медиков из зачумленного Лондона, реакцией, обоснованной в непростой истории теологических дискуссий о долге врача при бедствиях. Эта ситуация заметного ослабления участия легитимированных медиков в положении инфицированных вызвала инициативы по лечению больных со стороны конкурирующих врачебных кругов³⁵. Доблесть медицинской помощи сопровождалась и обоснованием преступности поведения врачей, прерывающих свою практику во время чумы. Так, Джордж Томсон, ведущий медик круга врачей-химиков, опознает выбор покинувших город врачей как «дезертирство», а несанкционированные медики требуют легитимации своей деятельности и после преодоления чумы. Томсон развивает сравнение службы врача при эпидемии с воинским долгом солдата и делает заключение, что избегание врачом своего занятия во время масштабного распространения болезни должно, как и дезертирство в армии, караться самым суровым образом³⁶. В этом эпизоде можно увидеть, как забота о зараженных была вписана в процесс перераспределения власти и поддерживающего ее символического капитала между врачебными группами – факт уни-

чтожения жизни служил всего лишь поводом для реализации частного интереса.

Всецело другим по структуре и онтологическому статусу действием в условиях массовой гибели выступает не выводимое из конфигурации обстоятельств радикальное волонтерство. Эти практики отличает спонтанность – сострадание в них реализует свой самодостаточный характер, и присущая им автономия – их необусловленность внешним по отношению к себе интересом. В череде эпидемий чумы Нового времени таковые явственно были представлены системой помощи жертвам эпидемии, организованной в 1575–76 гг. миланским архиепископом Карло Борромео.

Борромео прямо реагировал на «слишком человеческие» запросы уничтожаемого сообщества. Он сделал возможным кров для нищих и оказавшихся на улице из-за подозрения в инфицированности, организовал их обучение игре на музыкальных инструментах ради их будущего благополучия³⁷. В его руководстве по уходу за инфицированными предусматривался способ бытия сообщества, где каждый акт заботы о зараженных вознаграждается отпущением грехов – таковое было обещано утешающим и поддерживающим больных, причащающим инфицированных, ухаживающим за ними и замеряющим им пульс, лечащим их и сопровождающим их в лазарет и чумной барак, несущим их тела и хоронящим их. Борромео также сформулировал правила жизни приходских священников, которые предполагали их активное участие в делах жертв чумы и полную опеку страдающих. Так, Борромео, прописывая и меры защиты от

³⁵ См.: Wallis, P. (2006). Plagues, Morality and the Place of Medicine in Early Modern England // *The English Historical Review*. no. 490. vol. 121, 3–17.

³⁶ *Ibid*, 18.

³⁷ См.: Cohn, S. K. (2010). *Culture of Plague. Medical Thinking at the End of the Renaissance*. New York: Oxford University Press, 104.

Ксения Александровна КУКСО / Kseniya A. KUKSO

| Эпидемия и действие (на материале новоевропейских эпидемий чумы) / Epidemic and Action (on the Material of Plague Epidemics of Early Modern Europe) |

заражения для носителей сана, возлагает на священников обязанности ежедневного посещения больных, заботы об оказании им медицинской помощи, обеспечения для них человеческих условий быта, осведомления приходских врачей о новых жертвах чумы³⁸.

Для пребывающих в эпидемическом оцепенении предусматривались взаимодействия, что несли в себе новые возможности человеческой консолидации. Они были связаны с распространяемой Боррмео своеобразной практикой совместной молитвы находящихся вдали друг от друга. Этот ритуал предполагал моление жителей города, остающихся в своих домах, но в определенные часы включающихся в строго регламентированное действие обращенности к Абсолюту. «Во время карантина в приходе должны были звонить семь раз в день, примерно каждые два часа, чтобы призывать домохозяев к молитве. ... Пока звонит колокол, «литания или молитвы будут петься или читаться по указанию епископа. Это будет происходить таким образом, что одна группа поет из окон или дверей своего дома, а затем другая группа поет и отвечает ей». Чтобы гарантировать, что эти молитвы совершаются должным образом ... член духовенства или кто-либо, обученный этим молитвам (возможно, глава семьи), также должен подойти к окну или двери в назначенное время, чтобы направлять молящихся и вызывать в них энтузиазм»³⁹. Следуя хронистам, мучаемое болезнью сообще-

ство продемонстрировало единство в этом действии по преодолению тягостно разрушающей жизнь силы⁴⁰. Джованни Пьетро Джуссани, автор агиографии Боррмео, отмечает вызываемые им солидарность и воодушевление: «Это было зрелище, когда все жители этого густонаселенного города, насчитывающего немногим менее трехсот тысяч душ, объединились, чтобы в одно и то же время прославлять Бога, обращаясь вместе гармонично с мольбой об избавлении от своей беды. Милан в то время можно было сравнить с монастырем, населенным верующими людьми обоих полов, в своих замкнутых кельях служащих Богу, и с образом небесного Иерусалима, наполненного хвалой ангельского воинства»⁴¹.

Эти экстраординарные действия в определенной мере нейтрализуют страх, разъедающий постоянно испытывающее угрозу уничтожения общество. Но их сверхценность в данных обстоятельствах состоит в другом. Утверждая и развертывая свою реальность обращенности к предельно страдающим, воплощая живой опыт участия к ним, и при этом будучи полностью автономными, они пополняют всеобщим крайне сжатую под давлением эпидемии фактичность. Спонтанностью и общечеловеческим содержанием своей инициативы они преодолевают замкнутость проникнутой

³⁸ Ibid, 103–107.

³⁹ Chiu, R. (2018). Singing on the Street and in the Home in Times of Pestilence: Lessons from the 1576–78 Plague of Milan. *Domestic Devotions in Early Modern Italy*. Ed. by M. Corry, M. Faini, A. Meneghin. Leiden; Boston: Brill, 2018. (Series: Intersections : interdisciplinary studies in early modern culture. 2018. Vol. 59/1), 38.

⁴⁰ Ibid, 39.

⁴¹ Giussano G. P. *The Life of St. Charles Borromeo, Cardinal Archbishop of Milan: From the Italian of John Peter Giussano; With Preface by Henry Edward Cardinal Manning*. London–New York: Burns and Oates, 1884. Pp. 419–420. Цит. по: Chiu R. Singing on the Street and in the Home in Times of Pestilence: Lessons from the 1576–78 Plague of Milan // *Domestic Devotions in Early Modern Italy* / Ed. by M. Corry, M. Faini, A. Meneghin. Leiden; Boston: Brill, 2018. (Series: Intersections: interdisciplinary studies in early modern culture. 2018. Vol. 59/1). P. 39.

Ксения Александровна КУКСО / Kseniya A. KUKSO

| Эпидемия и действие (на материале новоевропейских эпидемий чумы) / Epidemic and Action (on the Material of Plague Epidemics of Early Modern Europe) |

эпидемией реальности. В них возобновляется возможность мира без связанного с эпидемической ситуацией воспроизводства установленных моделей поведения и сугубо частных интересов. Постольку эти действия заключают в себе шанс на свободное от дисциплинарной машинерии существование сообщества. И, сверх того, структура этих действий предполагает активную вовлеченность другого. Установившаяся и претворяя в жизнь связи между людьми, они вносят собой и возможность социального формотворчества.

Список литературы

1. Атарова К. Н. Вымысел или документ? // Дефо Д. Дневник чумного года. М.: «Ладомир», «Наука», 1997. С. 351–372.
2. Блэк М. Смерть в Берлине: от Веймарской республики до разделенной Германии. М.: НЛЮ, 2015. 510 с.
3. Дефо Д. Дневник чумного года. М.: Ладомир, Наука, 1997. 480 с.
4. Дуглас М. Чистота и опасность. Анализ представлений об осквернении и табу. М.: Канон Пресс-Ц, Кучково поле, 2000. 286 с.
5. Зебальд В. Г. Воздушная война и литература. Цюрихские лекции // Зебальд В. Г. Естественная история разрушения. М.: Новое издательство, 2019. С. 10–93.
6. Леви П. Человек ли это? М.: Текст, 2001. 207 с. URL: <https://www.rulit.me/books/chelovek-li-eto-read-222927-38.html> (дата обращения: 20.09.2020).
7. Пипс С. Домой, ужинать и в постель. Из дневника. М.: Текст, 2010. 192 с.
8. Соколова Т. В. Система мер по противодействию эпидемиям чумы в лондонских приходах XVII в. // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 4. Том I (Гуманитарные науки). С. 83–86.
9. Anonyma. Eine Frau in Berlin: Tagebuch-Aufzeichnungen vom 20. April bis 22. Juni 1945. Frankfurt a. M.: Einborn Verlag, 2003. S. 18–19.
10. Chiu R. Singing on the Street and in the Home in Times of Pestilence: Lessons from the 1576–78 Plague of Milan // Domestic Devotions in Early Modern Italy / Ed. by M. Corry, M. Faini, A. Meneghin. Leiden; Boston: Brill, 2018. (Series: Intersections: interdisciplinary studies in early modern culture. 2018. Vol. 59/1). Pp. 27–44.
11. Cohn S. K. Culture of Plague. Medical Thinking at the End of the Renaissance. New York: Oxford University Press, 2010. 342 p.
12. Giussano G. P. The Life of St. Charles Borromeo, Cardinal Archbishop of Milan: From the Italian of John Peter Giussano; With Preface by Henry Edward Cardinal Manning. London–New York: Burns and Oates, 1884. 472 p.
13. Wallis P. Plagues, Morality and the Place of Medicine in Early Modern England // The English Historical Review. 2006. no. 490. vol. 121. Pp. 1–24.

References

- Atarova K. N. *Vymysel ili dokument? (Fiction or document?)* // Defoe D. *Dnevnik chumnogo goda (Defoe D. A journal of the plague year)*. M.: «Ladomir», «Nauka» Publ., 1997. P. 351–372. (In Russian).
- Black M. *Death in Berlin. From Weimar to divided Germany*. Cambridge University Press Publ., 2010. 308 p.
- Defoe D. *A journal of the plague year* (The Shakespeare head edition of the novels and selected writings of Daniel Defoe). Oxford Publ., 1928. 302 p.
- Douglas M. *Purity and Danger: An Analysis of Concepts of Pollution and Taboo*. Routledge and Keegan Paul Publ., 1966. 196 p.
- Sebald W.G. *Luftkrieg und Literatur. Mit einem Essay zu Alfred Andersch*. München: Hanser-Publ., 1999. 196 p. (In German).
- Levi P. *Se questo è un uomo*. Torino: F. De Silva Publ., no. 3, 1 ed., 1947. 188 p. (In Italian).
- Pepys S. *Diary of Samuel Pepys: a Selection*. Penguin Books Publ., 2003. 1152 p.

Ксения Александровна КУКСО / Kseniya A. KUKSO

| Эпидемия и действие (на материале новоевропейских эпидемий чумы) / Epidemic and Action (on the Material of Plague Epidemics of Early Modern Europe) |

- Sokolova T. V. Sistema mer po protivodejstviyu epidemiyam chumy v londonskih prihodah XVII v. (The system of measures against plague epidemics in London's parishes of the 17th century). *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik (Yaroslavl's pedagogical Bulletin)*. 2014. no 4. Tom I (Gumanitarnye nauki (Humanities)). P. 83–86.
- Anonyma. *Eine Frau in Berlin: Tagebuch-Aufzeichnungen vom 20. April bis 22. Juni 1945*. Frankfurt a. M.: Einborn Verlag Publ., 2003. P. 18–19. (In German).
- Chiu R. Singing on the Street and in the Home in Times of Pestilence: Lessons from the 1576–78 Plague of Milan. *Domestic Devotions in Early Modern Italy*. Ed. by M. Corry, M. Faini, A. Meneghin. Leiden; Boston: Brill Publ., 2018. (Series: Intersections: interdisciplinary studies in early modern culture. 2018. Vol. 59/1). Pp. 27–44.
- Cohn S. K. *Culture of Plague. Medical Thinking at the End of the Renaissance*. New York: Oxford University Press Publ., 2010. 342 p.
- Giussano G. P. *The Life of St. Charles Borromeo, Cardinal Archbishop of Milan: From the Italian of John Peter Giussano; With Preface by Henry Edward Cardinal Manning*. London–New York: Burns and Oates Publ., 1884. 472 p.
- Wallis P. Plagues, Morality and the Place of Medicine in Early Modern England. *The English Historical Review*. 2006. no. 490. vol. 121. Pp. 1–24.

